

УРАЛО-ПОВОЛЖСКАЯ САРМАТИЯ VI – VII ВВ. Н.Э.: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

© 2023 Е.П. Казаков

Аннотация. Во второй половине XX в. в Урало-Поволжье было открыто много новых памятников со своеобразным и даже неожиданным материалом. Среди археологов велись долгие дискуссии о датировке и происхождении оставившего их населения, хотя многие из них связывали со славянами, сарматами и др. Новые полученные материалы (II Коминтерновский могильник и пр.) позволяют отнести комплексы к сарматам VI – VII вв. н.э., проживавшим в это время на широких пространствах Урало-Поволжья. В статье отмечается нелегкий, а иногда и долгий путь археологов в процессе получения материалов для обоснованных выводов.

Ключевые слова: бахмутинская, турбаслинская, именьковско-романовская, неволинская, кушнаренковская культуры.

URAL-VOLGA SARMATIA IN THE 6TH - 7TH CENTURIES A.D.: PROBLEMS OF RESEARCH

© 2023 E.P. Kazakov

Abstract. In the second half of the 20th century many new archaeological sites with original, and even unexpected, materials were discovered in the Ural-Volga region. Among archaeologists, there were a lot of discussions about the dating and origin of the population that left them, though many of these sites were connected with Slavs, Sarmatians and others. The new materials obtained (II Kominternovskiy burial ground etc.) allows these complexes to be attributed to the Sarmatians of the 6th – 7th centuries AD who lived at that time over wide areas of the Volga-Urals region. The article points out the archaeologists' uneasy, and sometimes long, way in the process of obtaining a number of materials enough for proper conclusions.

Keywords: Bakhmutinskaya, Turbaslinskaya, Imen'kovo-Romanovskaya, Nevolinskaya, Kushnarenkovskaya archaeological cultures.

Жарким летом 1959 г. мы, студенты Казанского государственного университета, только окончившие первый курс истфака, под руководством В.Ф. Генинга в райцентре Кушнаренково Башкирской АССР вели раскопки могильника, открытого А.П. Шокуровым. На некрополе были вскрыты ямы, где погребенные, ориентированные головой на север, сопровождалась погребальным инвентарём в виде крупных лепных круглодонных и плоскодонных сосудов. Выделялись длинные могильные ямы с характерными заплечиками-уступами и подбоями, сопровождаемые комплексами из черепа и костей ног коня, были также изучены захоронения с трупосожжениями, сопровождаемые плоскодонными горшками, которые тогда отнесли к романовскому типу.

В окрестностях села исследованы также селища, где, кроме вышеуказанных, выявлены группы круглодонной посуды, украшенной ямочными наколами, а также посуды с изящным резным, гребенчатым и штампованным орнаментом, позднее названным кушнаренковским. По вещевому инвентарю все указанные памятники отнесены к VI – VII вв. н.э. (Генинг, 1977. С. 90–136).

В этом же году после указанных работ наш отряд переехал в другой райцентр, где несколько дней участвовал в раскопках Бирского могильника, которые вели башкирские коллеги под руководством Н.А. Мажитова. Этот исследователь разделил комплексы па-

мятника на ранние и поздние, и позже выделил на их основе бахмутинскую культуру (Мажитов, 1968).

Поздняя часть Бирского могильника фактически аналогична материалу вышеуказанных памятников у с. Кушнаренково. Тот же погребальный обряд с северной ориентацией умерших, те же могилы с заплечиками и подбоями, тот же культ коня, те же группы керамики и та же датировка VI – VII вв. н.э. (Мажитов, 1968. С. 29–66).

Выдающимся было исследование этим автором в 1957–1958 гг. Ново-Турбаслинского поселения и курганного могильника в Благовещенском районе, пограничном Кушнаренковскому и Бирскому районам Башкирской АССР (Мажитов, 1959). В них объединились те же отмеченные ранее элементы культуры. Таким образом, изученные три памятника в соседних районах отражали северный вариант выделенной турбаслинской культуры, центр которой находился в излучине рек Белая и Уфа (Археологическая карта Башкирии, 1976. С. 260, карта 8). Здесь на небольшой территории выявлено три городища и погребения, возможно, вождей, с изделиями из драгоценных металлов.

Полученные материалы свидетельствовали, что на территории Башкирии имелись различные группы пришлого населения. В.Ф. Генинг отметил на данной территории десять родоплеменных образований, различаемых по обряду и вещевому инвентарю (Генинг, 1971. С. 44–54). Среди них выявлены комплексы кру-

глодонной посуды с ямочным орнаментом, которые, в основном, формируются в северо-восточных районах Башкортостана.

Появление такого населения в Приуралье, скорее всего, было связано с бурными событиями времени образования Первого Тюркского каганата. Неожиданный, страшный военный удар был нанесён [тогда] по территории западносибирской лесостепи, где вместе с сарматами проживали восточные угры (предки хантов) и палеоазиатские племена (предки селькупов). Спасаясь, это население вынуждено было уйти далеко на северо-запад, в таёжную зону Республики Коми. Здесь они оставили памятники ванвиздинской культуры, в которой сохранились явные следы культуры степей: курганный обряд, культ коня, вещи среднеазиатского происхождения и т.д. Угорское население Урала также было сдвинуто к северу: в верховьях рек Камы и Вятки оно образовало неволинскую и полемскую культуры (Казаков, 2022а. С. 102–113).

События этого времени привели к тому, что в Приуралье, в районе их летних кочевий, вынуждены были осесть сарматы. Среди них были как племена с лепной горшковидной плоскодонной посудой, переселяющиеся из районов джетысарской культуры Приаралья, так и племена из лесостепи Западной Сибири с лепной круглодонной керамикой. Р.Д. Голдина опубликовала богатые материалы неволинской культуры с лепной круглодонной, часто чашевидной, посудой из бассейна р. Сылва Пермского края.

Таким образом, отмеченные события можно назвать очередным «великим переселением народов», охватившим огромную территорию Евразии. Время совершения его, судя по письменным источникам, относится к середине VI в., когда тюркюты разбили в Приаралье упорно сопротивляющиеся племена хуни, оговров и авар.

В Татарстане изучение этих древностей шло своим путём. В основном малоинформативную плоскодонную посуду связывали с местным «буртасским» населением (Калинин, Халиков, 1954. С. 46–50). В 1958 г. В.Ф. Генинг впервые изучил некрополь с трупосожжением у с. Рождествено Татарской АССР. Он предложил отнести его к именьковской культуре, учитывая то, что в ней отмечена керамика, полученная Н.Ф. Калининым и А.Х. Халиковым при раскопках Именьковского городища (Генинг и др., 1962). В последующие годы на территории Татарстана были изучены десятки памятников этой культуры как некрополей, так и городищ и поселений. Материал их был обобщён в монографии П.Н. Старостина (Старостин, 1967), который также отметил полную и несомненную близость по материалу романовских и именьковских памятников (Старостин, 1971. С. 148–150).

Многие элементы культур этих памятников отмечены в древностях других селищ и городищ Татарста-

на: так, несомненный интерес представляют материалы группы памятников в Альметьевском районе республики. В числе последних – уникальное селище Шихан со следами пребывания оседлого земледельческо-скотоводческого населения, проживавшего в наземных домах (Казаков, Рафикова, 1999. С. 29–31). Крупные сосуды из них, иногда с шишкообразными налепами, явно входят в турбаслинский круг (Казаков, Рафикова, 1999. С. 65, рис. 19).

Целый куст именьковской культуры выявлен у с. Сунчелеево Аксубаевского района республики, в который входили городище и несколько поселений. На одном из последних найдено два бронзовых котла (Археологические памятники бассейна р. Черемшан, 1990. С. 23, № 142; там же. С. 98, рис. 4). Хотя эти изделия связывали с гуннами, они, несомненно, относятся к именьковскому времени (Казаков, 1999. С. 26).

В изучение именьковской культуры огромный вклад внесли самарские археологи. Они, что важно, провели исследования на сильно укрепленных оборонительными сооружениями городищах на Самарской Луке: Кармалинском, Стенькин городок и др. Размеры этих памятников, сильное укрепление их свидетельствует, что они, скорее всего, были не родовыми, но племенными центрами, находящимися в зоне постоянной опасности. Керамика этих городищ по форме и составу теста идентична посуде турбаслинских памятников, встречаются также изделия с ямочным орнаментом (Богачев и др., 2013. С. 157, рис. 19,9); на Кармалинском городище найден клад серебряных монет середины VI в. н.э. (Богачев и др., 2013. С. 128).

Несмотря на многочисленность именьковских памятников, источниковедческая база их была, – и всё ещё является, – слабой, особенно это верно в отношении некрополей, где огнём при проведении погребального обряда уничтожен или необратимо повреждён практически весь, кроме керамики, вещевой материал. Огромная территория, занятая такими памятниками, вызвала широкий интерес в отношении их этнокультурной атрибуции. Г.И. Матвеева убеждала коллег, что памятники именьковской культуры оставлены славянами, А.Х. Халиков полагал их балтоязычными (Казаков, 2011. С. 12–13), высказывались и иные точки зрения.

Г.И. Матвеева, создатель археологической школы в г. Куйбышеве (Самаре), обладала исключительным трудолюбием и организаторскими способностями. При ней сформировался коллектив молодых талантливых археологов, работы которых выдвинули Самарский центр на важное место среди практикующих археологических научных школ СССР и, впоследствии – РФ. В отношении именьковской культуры при явной нехватке сравнительного материала Г.И. Матвеева вполне обоснованно обратила внимание на формально-логические моменты: трупосожжение, плоскодонная посуда и т.д. Для доказательства связи именьковского населения

со славянами она скрупулёзно собрала и использовала все доступные на тот момент материалы (Матвеева, 1981); в результате все, даже крупные, российские археологи, признали тогда её правоту.

Положение изменилось, когда в 1984 г. был открыт такой реперный памятник, как II Коминтерновский могильник в Спасском районе Республики Татарстан. В нём от продолжающегося разрушения водохранилищем удалось спасти около сотни захоронений с богатыми вещевыми комплексами. Материал их в целом был опубликован в отдельной статье (Казаков, 1998. С. 97–150) и монографии (Казаков, 2021). В результате проведённых многолетних исследований выявлено, что памятник, в основном, датируется второй половиной VI – началом VII в. н.э. и появление его связано с миграцией приаральских племён хуни, вар и огоров, потерпевших военное поражение от Первого Тюркского каганата в середине VI в. н.э.

В памятнике фактически отражены объёмные материалы всех основных вышеупомянутых культур Урало-Поволжья, причём массовые вещевые комплексы II Коминтерновского могильника позволили датировать их в пределах VI – VII вв. н.э. Так, в одном ряду находились захоронения как с трупосожжением, так и с трупоположением, т.е. речь идёт о биритуальности погребального обряда, как характерной черте оставившего данный памятник населения: в могильнике в тесной связи находились комплексы именьковско-романовской, бахмутинской и турбаслинской культур.

В округе памятника, в 2 км от него, изучено селище с круглодонной посудой, орнаментированной ямочными (бахмутинскими) наколами. Учитывая, что погребения с кремацией, как и трупоположения, также были ориентированы по линии север – юг и (там, где он в достаточной степени сохранился) содержали идентичный вещевой материал, можно утверждать, что рассматриваемый некрополь оставлен группой населения, практикующей биритуальность погребального обряда – как это, согласно письменным источникам, имело место у сарматоязычных буртас. Уникальные для региона находки, имеющие аналогии на обширной территории Евразии, специфические культовые изделия, искусственная деформация черепов и ряд иных признаков не оставляют сомнения в принадлежности памятника средневековым сарматам (Казаков, 2021. С. 36–38), с чем были согласны и археологи Башкирии относительно подобных памятников турбаслинской культуры.

В настоящее время памятники средневековых сармат, представленные рассматриваемыми в этой публикации культурами, распространены на огромной территории от Приаралья до Пензенского края (около 250 000 кв. км территории, в основном в лесостепной зоне). На востоке оставившее их сарматское население активно взаимодействовало с уральскими уграми, а на западных землях – с финно-уграми.

Несмотря на явное племенное разделение сарматской культурно-исторической общности, что прослеживается по материалам различных археологических памятников, общность их проявляла явные признаки идеологического и политического единства. Довольно развитое хозяйство, в том числе ремесло, способствовали развитию торговли. Активные торговые пути сармат – как внутри этого, своеобразного «Урало-Поволжского», объединения, – так и на территории Восточной Европы в целом, ещё ждут своих исследователей, центр же этого родоплеменного объединения мог, предположительно, находиться на территории современного г. Уфы, где, как отмечалось выше, на относительно небольшой территории в бассейне рек Кама и Белая выявлены три городища и, видимо, княжеские захоронения с богатым вещевым материалом турбаслинской культуры.

Исключительно важным было открытие Р.Р. Валиевым в 2015 г. также в Приустьевом Закамье и неподалеку от II Коминтерновского могильника II Новославского могильника (Валиев, 2018. С. 211–226), при этом необходимо отметить, что памятники эти практически аналогичны по вещевому материалу. Сейчас в низовьях р. Камы изучено уже пять некрополей, в которых совместно, в органическом единстве, отмечены именьковские захоронения с трупосожжением и турбаслинские – с трупоположением; такие же некрополи известны и в Башкирии.

Таким образом, на огромной территории Урало-Поволжья существовало фактически предгосударственное объединение, которое условно можно назвать «Урало-Поволжская Сарматия». Его достаточно развитая, сформировавшаяся за много веков кочевания культура, оказывала влияние и на культуру угров, поволжских и пермских финнов; так, например, в марийском языке выявлены различные по времени пласты сарматской лексики (Казаков, 2007. С. 268–273).

Дальнейшая судьба именьковско-турбаслинской общности совпадает с судьбой других племенных объединений с непрочной оседлостью, которых привлекало Урало-Поволжье. В последней трети VIII в., на маняжском этапе её развития, отряды кочевых угров формирующейся «Великой Венгрии» – *Magna Hungaria* нанесли сокрушительный удар по сарматам, торговые центры которых были разгромлены, о чём можно судить по обнаруженным на них скоплениям человеческих костей (Казаков, 2021. С. 38); именьковская культура прекратила своё существование. Были уничтожены многочисленные селища, городища – вместо них у богатых пастбищами долин рек появились сезонные стоянки с характерной кушнаренковской посудой.

Угры даже переправились через Волгу и захватили сарматское II Тетюшское городище. Чтобы остановить их движение на запад, на земли буртас, сарматы в экстремальных условиях в овражно-лесистой местности

к югу от современного г. Тетюши построили громадное Большетарханское городище, размерами в плане 1200х600 м, укреплённое «волчьими ямами», валами, рвами, оборудованное дозорно-оборонительными башнями – практически непреодолимую преграду для конного войска кочевников. Этот памятник, без сомнения, следует считать самым крупным оборонительным сооружением Урало-Поволжья эпохи Средневековья, вплоть до периода возникновения городов Волжской Болгарии (Казаков, 2022б. С. 207–208).

Племена сармат, известные как «асы» или «ясы» (Г.Е. Афанасьев, О.Б. Бубенок) большими массами продолжали проживать в Восточной Европе вплоть до монгольского нашествия. Назовём только такие определения как буртас, эрзяс (отсюда и название современного г. Арзамас), предводитель части мордвы – Пургас и др. Период рассматриваемых масштабных этнокультурных изменений, можно с полным основанием назвать очередным «Великим переселением народов»: оно занимает период в 60–70 лет – от последней четверти IX в. до середины X в. В это время печенеги изгнали на запад, за Волгу, мадьяр и, возможно, из-за огузов сами последовали за ними. Часть северо-салтовского, в основном, кочевого населения переселилась в Среднее Поволжье. В это время исчезает богатейшая салтовская культура, но в то же время возникают уже первые государственные образования: Волжская Болгария, Киевская Русь, Венгрия.

Судя по языческим могильникам Волжской Болгарии и отсутствию селищ с круговой (аланской) керамикой, переселившиеся в Среднее Поволжье в конце IX в. группы представителей салтовской культуры, состав населения которой включал в себя массы сармат, состояли из тюркоязычных и сарматских племён (Казаков, 2020. С. 168–170). По сообщению Ибн-Фадлана, этот образ жизни в Среднем Поволжье, продолжался у них практически всю первую четверть X в.

И последний раздел, который можно назвать «post scriptum». Известно, что многие, наиболее древние географические названия не сохранились; но с появлением государственности и письменности они уже достигают современности. Не являясь языковедом, знаю, что многие специалисты этого направления пытались определить, какой именно народ оставил на широкой территории географические названия с окончаниями на -ГА, -МА, -ША; вызывает особый интерес, в частности, то, что последнее окончание обозначает, скорее всего, реку. И часто на реке с таким окончанием в названии фиксируются памятники средневековых сармат или же народов, тесно связанных с ними – например, мордвы. Так, в низовьях р. Меша в Татарстане изучен целый куст сарматских памятников VI – VII вв.: селищ, городищ, могильников. В Нижегородской области, через г. Арзамас (Эрзяс) протекает р. Теша. В окрестностях этого города В.Н. Мартыянов изучил несколько могильников эрзи эпохи Средневековья. В этой же области имеется речка Кетарша – правый приток р. Пьяны, левого притока р. Суры в Бутурлинском районе; в низовьях этой речки, имеется эрзянское селище и могильник. Наконец, мордовское название р. Мокша, могло сохраниться от сармат.

Различные племена сармат проживали, как уже отмечалось выше, на широкой территории Восточной Европы. Название реки у одного из них могло оканчиваться на -РА: так, г. Самара стоит на реке того же названия, также можно указать и вышеупомянутый топоним р. Сура, а в Калужской области есть реки Угра, Жиздра. Скорее всего, также с языком сармат, проживавших в эпоху Средневековья в Причерноморско-Приазовском регионе, связано название р. Самары, на которой стоит г. Днепропетровск и р. Мокрая Сура, правого притока р. Днепр. Возможно, что и само древнее название р. Волга, известное в античном мире как Ра, также происходит от предков сармат.

ЛИТЕРАТУРА

- Археологическая карта Башкирии. М: Наука, 1976. 263 с.
- Археологические памятники бассейна реки Черемшан. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1990. 112 с.
- Валиев Р.Р. Новый памятник «коминтерновского типа» имениковской культуры // АЕС. Казань, 2018. № 1. С. 211–226.
- Богачёв А.В., Вязов Л.А., Гасилин В.В., Мышкин В.Н., Серых Д.В. Кармалинское городище // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области). Самара, 2013. С. 119–163.
- Генинг В.Ф. Этнический субстрат в составе башкир и его происхождение (по археологическим материалам I тыс. н.э.) // АЭБ. Уфа, 1971. Т. IV. С. 43–53.
- Генинг В.Ф. Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой (VI – VII вв.) // Исследования по археологии Южно-Урала. Уфа: БФАН СССР, 1977. С. 90–136.
- Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., Хлебникова Т.А., Вайнер И.С., Казаков Е.П., Валеев Р.К. Археологические памятники у села Рождествено // Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1962. 127 с.
- Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье // Иркутск: Изд-во Иркутск. ун-та, 1990. 173 с.
- Казаков Е.П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии) / Материалы II Международной археологической конференции. Самара: СОИКМ, 1998. С. 97–150.
- Казаков Е.П. Новые археологические материалы к

- проблеме ранней тюркизации Урало-Поволжья // ТА. 1999. № 1–2 (4–5). С. 23–38.
- Казаков Е.П.* Индоиранское воздействие на культуру поволжских финнов в раннем средневековье // Влияние природной среды на развитие древних сообществ. Йошкар-Ола, 2007. С. 268–273.
- Казаков Е.П.* Этнокультурная ситуация IV – VII вв. н.э. в Среднем Поволжье // FU. № 12–13, 2011. С. 8–39.
- Казаков Е.П.* Сарматское наследие в Волжской Болгарии // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Самара, 2020. Т. II. С. 168–170.
- Казаков Е.П.* Волго-Камье в эпоху тюркских каганатов. Книга первая. Коминтерновский II могильник // АЕС. Казань: Изд-во «Фэн», 2021. Вып. 26. 148 с.
- Казаков Е.П.* Постпетрогром в системе средневековых угорских культур Урало-Поволжья // ПА. Казань: АН РТ, 2022а. № 2 (40). С. 102–113.
- Казаков Е.П.* Турбаслинско-именьковская общность: проблемы изучения // АЕС. Казань: АН РТ, 2022б. № 6. С. 206–217.
- Казаков Е.П., Рафикова З.С.* Очерки древней истории Восточного Закамья // Альметьевск: Альметьевнефть, 1999. 119 с.
- Калинин Н.Ф., Халиков А.Х.* Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. Казань: Таткнигоиздат, 1954. 128 с.
- Мажитов Н.А.* Курганный могильник в деревне Ново-Турбаслы // Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959. С. 114–142.
- Матвеева Г.И.* О происхождении именьковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев: Куйбышевский госуниверситет, 1981. С. 52–73.
- Старостин П.Н.* Памятники именьковской культуры // САИ. Вып. Д1–32. М.: Наука, 1967. 95 с.
- Старостин П.Н.* О романовских и именьковских памятниках // АЭБ. Уфа, 1971. Т. IV. С. 148–150.